

Веб-журнал "Европейская Афиша" №4, 13/03/2011 – www.afficha.info

Испанский диптих Кристиана Скъяретти.

Екатерина Богопольская

«Я поддерживаю особые, пассионарные отношения с испанской литературой, - рассказывает Кристиан Скъяретти. - «Селестина»- преддверие театра «Золотого века», ее редко ставят во Франции, потому что это собственно не пьеса, а роман в диалогах. Но это один из основополагающих текстов для всего западноевропейского театра. Герой Тирсо де Молина- это первая фигура дон Жуана, который еще не знает, что он - Дон Жуан».

В обоих спектаклях заняты одни и те же актеры постоянной труппы TNP (в основном бывшие студенты Скъяретти по лионской театральной школе ENSAT). Одно и то же сценическое пространство - бифронтальная сцена, помост между зрителями (напоминающий принцип испанского коралля), заканчивающийся с обеих сторон воротами цвета крови. Никаких декораций (только несколько нужных по ходу действия аксессуаров, да искусное освещение в «Дон Жуане»), и красивые исторические костюмы, дающие почувствовать «вкус и цвет» эпохи, настоящие костюмные пьесы. Никаких специальных визуальных эффектов, на которые столь падка современная сцена: Скъяретти остается верен старой формуле настоящего театра – «голые подмостки и настоящие актеры».

Две легендарные фигуры европейского театра, Дон Жуан и Селестина (главная героиня, сводница и колдунья Селестина стала именем нарицательным также, как и севильский соблазнитель). Две пьесы¹ составляют своего рода диптих о желании, связаны темой желаяния, но как различны!

Селестина, «трагикомедия, сочиненная в назидание влюбленным безумцам, которые, побежденные неистовым желанием, считают и называют подругу своим божеством, но также в предостережение от подлостей всяческих посредников...» написана на исходе XV века, «Дон Жуан» - в

¹ Автор перевода и адаптации романа Рохаса для сцены Флоранс Деле.

начале XVII. Это как начало и закат целой эпохи. Отсюда столь разный колорит двух спектаклей.

Photo Christian Ganet

Сцена из спектакля «Селестина».

Действие «Селестины» происходит при ярком солнечном свете старой Испании, здесь царит простодушное необузданное веселье, свобода и радость жизни сквозит в каждом движении.

Старая сводня, открывшая не одному поколению ложе любви, здесь с помощью своего чудесного искусства помогает кавалеру Калисто, пылко влюбленному в Мелибею, добиться ее расположения. Да что там расположения. Любовь, вселившаяся в Мелибею, так сильна, что узнав о трагической смерти Калисто, она покончит с собой... Такой вот эскиз к Джульетте на век раньше, с той разницей, что здесь у истоков страсти - Селестина, а фоном к ней выступает не враждебный мир аристократических кланов Монтеки-Капулетти, а безудержная вакханалия, в которой на равных участвуют и слуги, и господа. И гибнут тоже на равных – каждый от своего грехопадения. Не трагедия, а трагикомедия жизни, которую философски обобщает сама Селестина «У счастья свои законы, и ничто не остается в одном состоянии: все изменяется, таков порядок. Все в мире или растет, или убывает. Все имеет свои границы, всему есть свой предел. Близка моя кончина, недолго осталось мне жить. Но знаю: вознеслась я, чтобы упасть, расцвела, чтобы увянуть, наслаждалась, чтобы скорбеть, родилась, чтобы жить, жила, чтобы расти, росла, чтобы стареть, состарилась, чтобы умереть ...» (Пер. Н.Коляда).

DR

Селестина –Элен Венсен

«Селестина» - мир желаний, греховный, но и полнокровный. В спектакле Скьяретти чувственность словно разлита в воздухе, режиссер даже добавил сладострастия и в без того откровенно плотский мир Рохаса, как например, этот эпизод, когда Селестина прежде чем впихнуть в кровать к племяннице Пармено, слугу Калисто, буквально растравляет ее откровенными ласками.

Скьяретти превратил спектакль в настоящую оду жизненной энергии, олицетворенной в блистательной Селестине Элен Венсен.

Полу-вахханка, полу-колдунья, она – « та искорка, от которой зажигаются желания и сама жизнь, умножая пожары сердец и тел. Присоединиться к пиру чувств, устроенному этой Селестиной, огромное наслаждение», - написал обозреватель Journal du Dimanche Жан-Люк Берте.

Ей под стать темперамент племянниц, Элисии и Ареузы, Лоранс Бессон и Жанны Бруае, и Мелибея - Ясины Ремиль. Мужские роли менее выразительны, трафаретны, особенно Калисто у Николя Гонзалеса свелся к какому-то ученическому декламированию текста.

В «Дон Жуане» те же самые актеры чудесно разыгрывают старинное представление, блистательно выдерживают стиль.

Как оживший натюрморт малых голландцев представлено пиршество в доме Селестины, тогда как в «Дон Жуане» преобладает голубоватый мертвящий свет и мрачные краски, напоминающие картины старых испанских мастеров. Несмотря на фривольный сюжет, действие кажется с самого начала помещено в атмосферу, близкую могильному холоду склепа Командора. В этом «Дон Жуане» словно сконцентрирована энергия вырождения, совпавшая с эпохой заката империи конкистадоров. (И как символ этого вырождения аристократии, очень живописно сыгранный тем же Николя Гонзалесом маньеристский персонаж маркиза де Мота).

В персонаже Тирсо де Молина нет почти ничего от сластолюбца, посвятившего жизнь поиску чувственных наслаждений, каким он станет позднее. Не само по себе наслаждение влечет его, но связанное с его достижением опасность. Не вообще женщина, какая бы она не была красавица, но герцогиня, из ближайшего окружения короля Неаполя, да еще в покоях, близлежащих к королевским. Можно еще увести чужую невесту прямо после венчания, или совратить донью Анну, за которой ухаживает, давно и страстно, лучший друг, да еще выдав себя за него. Даже рыбачкой он соблазняется потому только что вся деревня в нее только и влюблена. Точно также ведет он себя и с Командором, дерзкий вызов статуе того же порядка. И сам принимает вызов командора с тем же страстным любопытством, с которым искал встречи с женщиной в экстремальных ситуациях. В этом дон Жуане нет страсти любовной, только азарт охотника или еще, тореро. Вообще все линия поведения «севильского распутника» в спектакле Скьяретти напоминает искусство тавромахии. (Бифронтальная сцена в этом случае отсылает к арене корриды). Дон Жуана интересует крайняя, предельная ситуация все время, а не любовная страсть как таковая. Хоть и оглашают двор доносящиеся из-за ворот женские «Ахи и охи» любовной истомы, все это по-сравнению с «Селестиной» кажется лишь налаженной механикой.

Photo Christian Ganet

Дон Жуан – Жюльен Тифен

Жюльен Тифен играет очень интересно, у его дон Жуана статья испанского гранда, и одновременно особая гибкая пластика, словно несущая печать вымороченности. Белый грим на лице, парик и весь внешний облик его героя явно напоминает Казанову в знаменитом фильме Феллини. Главное же, у дон Жуана в спектакле Скъяретти тот же надлом, который сквозит в Казанове Дональда Сазерленда, и та же механичность желания.

Кроме дон Жуана и его женщин большое место в спектакле занимает тема власти, в данном случае монаршей, призванной восстановить баланс, постоянно нарушаемый севильским грандом. Король Испании (запоминающийся Клеман Мориньер) и его двор, с постоянными проходами взад и вперед по длинному помосту, кажется исполняют некий мрачный балет придворного этикета. Глухая музыка сопровождает спектакль, как будто где-то вдали торжественно играет орган, прерываемый лишь изредка, например, в сцене венчания селянки, вылившейся в блистательно разыгранный дивертисмент, с пением (тексты Тирсо положили на аранжированные старофранцузские мелодии) и комическими лацци жениха. Своего рода

идиллия посреди чумы, которую, естественно, не преминул, походя, разбить Дон Жуан.

Сцена из «Дон Жуана» и кадр из «Казановы» Ф.Феллини

Пьесу «Севильский соблазнитель, или каменный гость» правильнее, считает Скъяретти, переводить «обманщик», потому что этот дон Жуан, в отличие от позднейшего, мольеровского, никого не соблазняет. И он еще не атеист, скорее богохульник. К тому же в конце перед неминуемой смертью дон Жуан почти каится («дочь чиста твоя», - говорит он Командору, и просит отпущения грехов – «пусть сюда придет священник»).

В его действиях - не вызов небесам, но вызов самому себе, словно он хочет узнать свой собственный предел. Между тем нравственный предел у Тирсо де Молина четко положен небесами – нечестивец, как и положено, погибает в огне, который в спектакле Скъяретти очень эффектно поднимается прямо из склепа Командора.